

УДК 94(470.51)"1920/1930"

Ю. В. Семенов, О. В. Чикурова

**О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ
КОН. 20-Х – НАЧ. 30-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА АДМИНИСТРАЦИИ
Г. САРАПУЛА И МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ)**

В статье на основании ранее не опубликованных документов из фондов Музея истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула, а также архива Администрации г. Сарапула рассматривается деятельность местных ячеек Союза воинствующих безбожников на территории Сарапульского округа в кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. Описывается история создания Сарапульского районного совета Союза воинствующих безбожников, формы и методы антирелигиозной работы, охват населения, проводимые мероприятия. Подчеркивается, что при Сарапульском музее «Прикамского края» велась работа по изучению религиозных верований населения, в частности, удмуртского язычества. Делается вывод о том, что антирелигиозная работа в Сарапуле и Сарапульском округе велась в соответствии с общей тенденцией, характерной для рассматриваемого периода – разоблачением реакционной классовой сущности религии, с учетом местных условий.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, антирелигиозная работа, воинствующий атеизм, город Сарапул, Музей «Прикамского края», кенеш, кулак, удмуртская языческая религия.

Одной из важнейших задач ВКП(б) и молодого Советского государства в первые годы его существования стало привитие материалистического мировоззрения гражданам гигантского многонационального и поликонфессионального государства, что предполагало в первую очередь их отказ от религии в любой ее форме. Решение этой задачи оказалось делом сложным, многоаспектным и, – как показала история, – далеким от завершения.

Если в годы Гражданской войны антирелигиозная пропаганда носила «лобовой», узкокласовый и антиклерикальный характер, то с началом мирного периода работа по перестройке мировоззрения десятков миллионов граждан СССР потребовала иных форм и методов.

Важнейшим направлением стала пропаганда материализма и атеизма, что повлекло появление в 1925 г. соответствующей организации – Союза безбожников СССР (СБ)*.

Не останавливаясь на истории появления, деятельности и ликвидации этой организации, отметим ее массовый характер и высокий авторитет. Все годы существования СБВ возглавлял его видный деятель ВКП(б) Емельян Ярославский. В центре и на местах работой СБВ руководили партийные и государственные органы, теснейшим образом он сотрудничая с комсомолом и профсоюзами.

Изучение истории СБВ в СССР и Российской Федерации неотделимо от исследования общей политической и идеологической истории СССР и ВКП(б) в межвоенный период, и неизбежно носит отпечаток идеологической приверженности исследователя, а иногда и откровенно конъюнктурный характер.

Одна из особенностей публикаций по истории СБВ – их локальность, ограниченность документами и материалами центральных органов и печатных изданий. Лишь немногие работы посвящены собственно деятельности областных и, тем более, первичных организаций.

В фондах Музея истории и культуры Среднего Прикамья (МИКСП) г. Сарапула хранится документ, вероятнее всего, тезисы доклада или набросок заметки в газету под названием: «В чем вредность, реакционность и контрреволюционность удмуртской религии и жертвоприношений» [7]. Документ представляет собой машинописный текст, однако дата и подпись в нем отсутствуют. Название и общий смысл документа дают нам основания предполагать, что написан он в кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. кем-то из активистов Сарапульского районного совета (райсовета) СБВ, который располагался в то время в Сарапульском музее.

Создан он был в 1925 г., почти одновременно с центральной организацией СБВ и до 1930 г. состоял в подчинении Сарапульского окружного совета (окрсовета) СБВ, после упразднения которого, с 1930 г., стал подчиняться непосредственно Уральскому областному совету (Уралоблсовету) СБВ [12. Л. 2], а с 1934-го по 1937 год – Кировскому краевому совету (крайсовету) СБВ, вследствие «перевода» Вотской автономной области и г. Сарапула из края в край.

Первичной формой организации СБВ была ячейка, которая строилась в городах по производственному признаку (на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях), а в сельской местности – по территориальному [11. Л. 1]. Их создание активно поддерживалось партийными и комсомольскими органами. По данным Уралоблсовета СБВ, в Уральской обл. на 1 июня 1929 г. насчитывалось 32 тыс. членов СБВ, а к маю 1932 г. – 240 тыс. [23. Л. 64]. Одной из ключевых задач местных ячеек СБВ была просветительская деятельность с целью изживания у населения религиозных предрассудков, «внедрение в широкие массы нового безбожного быта» [11. Л. 1].

Период кон. 1920-х – нач. 1930-х гг. характеризовался разнообразием форм атеистической и антирелигиозной пропаганды. Основными ее методами, как следует из отчетов ячеек Сарапульского райсовета и окрсовета СБВ, были

* В 1929 г. Союз безбожников был переименован в Союз воинствующих безбожников (СВБ).

доклады, лекции, радиопередачи, летучие митинги, стенгазеты, инсценировки, разоблачающие «реакционную классовую сущность» религии, религиозных праздников и обрядов, контрреволюционную деятельность духовенства. Пик активности центральных и местных ячеек пришелся на годы коллективизации, когда на первый план была выдвинута задача – поставить антирелигиозную пропаганду на «классовую точку зрения»: разоблачение «контрреволюционной роли религии как удобного прикрытия вредительской деятельности врагов колхозного строя, ...вредительской роли сохранившихся в сельском хозяйстве различных религиозных пережитков, правил, обычаев» [18. Л. 23–23 об.]. Основная нагрузка при этом ложилась на первичные ячейки СВБ. Антирелигиозная работа на местах велась в строгом соответствии с установками вышестоящих органов и под непосредственным контролем местных партийных организаций.

В сентябре 1929 г. в Сарапуле состоялось совещание председателей и секретарей местных ячеек СВБ, где главным вопросом было усиление антирелигиозной работы. Была принята резолюция и намечены основные направления работы, в частности: «...в деревне обратить внимание на постановку антирелигиозной пропаганды в колхозах и совхозах, превратить их в органы агитации за агрикультурные мероприятия против поповской агитации» [13. Л. 2]. Резолюцией предписывалось также для координации атеистической работы «в музее „Прикамского края“ организовать антирелигиозный отдел» [Там же], сотрудники которого в первую очередь должны были заняться «изучением корней религиозных верований» [Там же].

В связи с тем, что антирелигиозный вопрос тесно переплетался с национальным, одной из важных задач СВБ было усиление атеистической работы среди так называемых «национальных меньшинств» («нацмен»), что, в свою очередь, требовало соответствующей подготовки кадров «антирелигиозников-пропагандистов» [19. Л. 41; 20. Л. 1 об.]. Методика и содержание антирелигиозной работы в местностях с многонациональным и многоконфессиональным составом населения, требовали учета религиозных и культурно-бытовых особенностей. По данным Уралстатуправления, национальный состав Сарапульского округа на 1928 г. был следующим: русские – 90,4 %; башкиры – 2,9 %; удмурты – 2,1 %; татары – 1,0 %; другие – 3,6 % [8. С. X]. При общем численном преобладании в округе русского населения (в первую очередь в городах и крупных районных центрах), значительное количество башкир и татар проживало в Бардымском р-не, (66 и 6,2 % соответственно) [Там же. С. XIV], удмуртов – в Киясовском (11,5 %) [Там же. С. XX], Куединском (15,3 %) [Там же. С. XXI], Черновском (3,7 %) [Там же. С. XXX] районах, марийцев – в Каракулинском р-не (7,5 %) [Там же. С. XIX]. Кроме того, в округе дисперсно проживали небольшие группы немцев, эстонцев, украинцев, мордвы, цыган, чуваш, тептярей. Несмотря на официально провозглашенный в СССР атеизм и усиливающиеся гонения на религиозные организации, количество верующих было велико (особенно в сельской местности), сохранялись религиозные традиции.

Антирелигиозная работа среди нерусского населения была одним из самых слабых участков деятельности местных ячеек СВБ. Основная причина – острый

недостаток подготовленных кадров пропагандистов, особенно в деревне. В резолюции совещания агитаторов и пропагандистов Сарапульского округа (в ноябре 1929 г.) отмечалось: «В области антирелигиозной пропаганды среди нацмен необходимо: вскрывать классовую подоплеку ислама, мулл и языческой религии, вскрывать экономический вред языческих жертвоприношений и разоблачать смешивание религий с нацией; ...для выращивания антирелигиозного кадра... практиковать антирелигиозные нацменовские совещания» [9. С. 23]. Для искоренения религиозных пережитков «нужно развернуть широкую антирелигиозную работу среди колхозников, привлекая для этого лучшие антирелигиозные силы» [Там же. С. 31]. Для решения кадрового вопроса наиболее простым способом, партруководство, окружные и районные советы СВБ широко использовали совместителей, работавших в Союзе в порядке общественной нагрузки [1. С. 96], в первую очередь – учителей и культпросветработников.

На заседании Сарапульского окрсовета СВБ от 22 февраля 1930 г., учитывая «весь вред приносимый религией коллективизации населения», приняли решение – «для практического участия городских организаций СВБ в весенней сельхозкампании организовать бригаду безбожников для посылки в деревню из состава членов СВБ гор. Сарапула» [22. Л. 13].

Практика отправки «антирелигиозного десанта» в деревню, судя по смежным документам архивного дела, стала в Сарапуле регулярной. В сельской местности пропагандисты-безбожники боролись с безграмотностью, с низким уровнем сельского хозяйства, религиозным дурманом, «мулловским обманом», «колдовскими земледельческими обрядами» [21. С. 109]. Тематика докладов была разнообразной, содержание строилось на местном материале: «Происхождение религии и ее классовой сущности», «Религия и колхозное строительство», «Происхождение Пасхи и ее контрреволюционная сущность», «Происхождение праздника Рождества и его контрреволюционная сущность», «Контрреволюционная сущность религии и вред религии для сельского хозяйства» [16. Л. 7–7 об.], «Классовая сущность ислама», «Весенний сев и контрреволюционная сущность Курбан-байрама» [17. Л. 29–29 об.], «Вредительская контрреволюционная роль Уразы-байрама» [Там же. Л. 202] и т.п.

На заседании Сарапульского окрсовета СВБ от 22 марта 1930 г. утвердили состав комиссии «по изучению религиозности» [22. Л. 14 об.], включая директора Музея – Абрама Никодимовича Бершанта, члена Сарапульского райсовета СВБ со времени его учреждения, с 1933 г. – председателя райсовета СВБ. Комиссия должна была ликвидировать серьезные пробелы в подготовке кадров, на что летом 1929 г. указал Уральский обком ВКП (б): «...совершенно не организована научно-исследовательская работа (изучение социально-экономических корней религиозных верований на Урале, форм и методов религиозного и антирелигиозного воздействия на массы). Отсутствие данной отрасли работы при чрезвычайном многообразии религиозных верований на Урале (православие, сектантство, ислам, шаманизм, жертвоприношения марийцев и коми-пермяков) осложняет развитие массовой работы СВБ и делает ее по содержанию недостаточно конкретной в особенности среди нацмен...» [14. Л. 4]. В Уральском облсовете СВБ

для координации этой работы создали отдельную нацсекцию. Антирелигиозная работа среди «нацмен» была под особым контролем партийных органов.

Летом 1931 г. научно-исследовательская секция Уральского облсовета СВБ, предпринимая «изучение знахарства, корней религии и контрреволюционного влияния религии на производство и быт рабочего и крестьянина» [15. Л. 50], обратилась ко всем райсоветам СВБ области с просьбой «прислать... в облсовет... ответы на следующие вопросы: 1. Какие религиозные группы имеются в Вашем районе. 2. В чем основные особенности каждого религиозного учения, существовавшего в Вашем районе. 3. Приблизительный количественный охват населения каждого религиозного учения. 4. Социальная, производственная и национальная характеристики последователей отдельных учений...» [Там же. Л. 50–51]. Сбор сведений был инициирован с целью составления религиозной карты Урала, которая бы наглядно отразила существующие религиозные течения в отдельных районах Уралобласти, что в известной степени способствовало активизации интереса к научному изучению религиозных верований местных народов и накоплению этнографических материалов.

Однако помимо научно-исследовательских интересов, изучение религии имело и идеологическую задачу. В кон. 1920-х – нач. 1930-х гг., в условиях обострения классовой борьбы в связи с коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса, в центральной и местной печати развернулось решительное наступление на религиозные верования. Советская печать утверждала, что «главари» религиозных организаций, стоящие за спиной кулаков, пользуясь безграмотностью населения, разворачивают под флагом религиозной пропаганды пропаганду антисоветскую, призывая к неисполнению советских законов и распоряжений советской власти [10]. В этот период в «служителях культа» видели наиболее опасных и коварных врагов советской власти, мракобесов, непримиримых противников технического прогресса, медицины, светского образования. Относительная устойчивость религиозных верований населения трактовалась как следствие злонамеренного вредительства и контрреволюционной деятельности попов, мулл, шаманов, жрецов и др. На их счет списывались трудности и неудачи, возникающие в ходе коллективизации и других хозяйственно-политических кампаний. Так нагнеталась угроза, которую для строительства советского общества представляли служители религиозных культов, в том числе удмуртские шаманы-туно и жрецы-восяси, а воинствующим атеистам давался стимул к борьбе с ними.

Общий смысл рассматриваемого документа «В чем вредность, реакционность и контрреволюционность удмуртской религии и жертвоприношений» перекликается с вопросами, которые обсуждались на заседании секретариата Уралобкома ВКП (б) от 12 июля 1929 г.: «В проводимых хозяйственно-политических кампаниях (перевыборы советов, самообложение, хлебозаготовки, коллективизация, чистка и др.) руководители всех без исключения религиозных организаций совместно с кулачеством выступали против мероприятий, проводимых партией и советской властью. Свою контрреволюционную деятельность религиозные организации маскируют втягиванием в церковные советы и другие свои управленческие органы рабочих и бедняков» [14. Л. 4]. В документе много общего с заметками в газетах «Красное Прикамье», «Ижевская правда» и др., написанными по материалам так

называемого «Лудорвайского дела» 1928 г., главными фигурантами которого выступали «враги коллективизации» – кулаки и кенеш* с брошюрами, в том числе на удмуртском языке, посвященными этой проблеме [2, 3, 4, 5]. Кенеш и связанные с ним жрецы приравнялись к контрреволюционным элементам [24. С. 66], принесение удмуртами жертв языческим богам преподносилось как вредительство: «они [жертвоприношения. – *Авт.*] проводятся в самый разгар подготовки и проведения весеннего сева, летних и осенних работ, поэтому приносят огромный ущерб земледельцу и государству, понижая его урожайности. ... во всех этих жертвоприношениях почти всегда приносятся в жертву животные-молодняк, а поэтому это является одним из путей в замедлении темпа развития животноводства» [7]. «Почему... „кенеш“ является контрреволюционной кулацкой организацией? Да потому, что традиции, привычки, обряды удмуртов по своему существу являются уже реакционными, они противоречат всей политике советской власти, задерживают советизацию деревни и колхозного строительства, поэтому кулак, участник „кенеша“ использует эти остатки и пережитки в своих целях, целях борьбы против мероприятий соввласти» [2. С. 14]. *Вредность* удмуртского язычества обсуждалась также на конференции облсовета СвБ Вотской автономной области 31 марта 1931 г. Инструктор обкома ВКП (б) в своем докладе говорил о «продолжающихся удмуртских молениях с жертвоприношениями», в результате которых только за 1930 г. «вредительски уничтожено... четыреста голов скота» [6].

Главная мысль документа «В чем вредность, реакционность и контрреволюционность удмуртской религии и жертвоприношений» соответствовала наметившейся в тот период тенденции: разоблачению реакционной классовой сущности религии. Следует признать, что автор представленного документа был неплохо знаком со спецификой местной религиозной ситуации, а также отметить его стремление придать большую осмысленность борьбе с удмуртским язычеством. Можно предположить, что текст был подготовлен А. Н. Бершантом, директором Музея «Прикамского края», в то же время активистом (с 1933 г. – председателем) Сарапульского райсовета СвБ. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что Бершант входил в состав комиссии «по изучению религиозности» [22. Л. 14 об.], созданную в Сарапуле в 1930 году.

Принимая во внимание, что документ может представлять определенный интерес для исследователей, приводим его полностью.

В чем вредность, реакционность и контрреволюционность удмуртской религии и жертвоприношений

1. Хозяйственная вредность удмуртской языческой религии для трудящейся массы заключается в том, что:

а) они проводятся в самый разгар подготовки и проведения весеннего сева, летних и осенних работ, поэтому приносят огромный ущерб земледельцу и государству, понижая его урожайности;

б) во всех этих жертвоприношениях почти всегда приносятся в жертву животные – молодняк, а поэтому это является одним из путей в замедлении темпа развития животноводства;

* Совет (сходка), традиционный орган управления удмуртской общиной.

в) в общем итоге совершенно бесполезно и непроизводительно теряются масса ценных рабочих трудодней. Хозяйственный вред огромен.

2. Реакционность удмуртской языческой религии заключается в том, что она, передавая человека во власть несуществующего бога, отвлекает от современных задач и мероприятий, а главное от нововведений. «Вашкала калыкъес сотэк но узыр уллиллям, нянь сийллям, ми но озык улом» («в старину люди и без этого жили богато, ели хлеб, проживем и мы также»). – Вот благословение и призыв удмуртской языческой религии. Значит, не нужно машин, тракторов и автомобилей, не нужно применять никаких агро-зоо-технических мероприятий. А живи по старинке, долой колхозы и совхозы, да здравствует индивидуальное хозяйство – вот призыв религии.

Дальше удмуртская религия освящает власть авторитета, власть стариков, значит власть «кенеша». Удмуртская религия против советской власти, за сохранение старых родовых управлений при посредстве «кенеша» и власти авторитета стариков.

Старший в роде и в семье – он глава, все остальные должны подчиняться его распоряжениям. Поэтому удмуртская религия против всяких политических нововведений, за сохранение прежних родовых порядков самоуправления. Она тянет от советской власти обратно к родовым формам самоуправления, к «кенешу», которому теперь исторически не место, и давно отжили себя.

3. Контрреволюционность удмуртской языческой религии и жертвоприношений заключается в том, что религия является наиболее удобным орудием для воздействия на отсталые трудящиеся верующие массы от имени «Бога» (Воршуда, Кылчиня и т.д.).

Кулак через «кенеша» в жрецы выдвигает своего человека и через него он обрабатывает верующих людей в свою пользу. Кулак через религию агитирует против колхозов.

Если вступать в колхозы, то «воршуд начинает ходить по ночам по деревне и плачет», значит, «воршуд обижен, сердится, он может послать наказание», следовательно надо выходить из колхоза. Агитируют против всех советских мероприятий, для этого используют все возможные моменты.

Удмуртские же моления – жертвоприношения используются как ударные моменты контрреволюционной работы. Это смотр сил черного воронья [кулака в союзе с «кенешем» и жрецом (восясем)]. Следовательно удмуртская языческая религия также вредна, реакционна и контрреволюционна, как и все другие религии. Поэтому осознавшие трудовые массы с презрением отвергают религию и религиозные предрассудки, как орудие кулака-контрреволюционера и переходят в лагерь безбожия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булавин М. В. Условия деятельности Союза воинствующих безбожников на Среднем Урале в 1925–1935 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 89–100.

2. Главатских С. Ф. От Лудорвая к сплошной коллективизации. Ижевск: Удгиз, 1931. 39 с.

3. Дайри Н. Мар ужано колхозын инмарлы оскисьтэм муртлы. М.: Центриздат, 1931. 48 с.

4. Еремеев И. Е. Попъёс – кулактьёслэн ляльчиоссы. Ижкар: Удкнига, 1930. 16 с.

5. Контрреволюция «Кенешлы» пумит (ВКП (б)лэн Удмуртобкомезлэн 1931 арын 5 мартэ юнматэн тезис'ёсыз). Ижкар: Удкнига, 1931. 31 с.

6. Малахов Н. Развивать наступление на фронте борьбы с религией // Ижевская правда. 1931. 5 апр.

7. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Музей истории и культуры Среднего Прикамья» (МБУК «МИКСП»). Коллекция «Письменные источники». Ф. 45.

8. Населенные пункты Уральской области. Т. 9. Сарапульский округ. Свердловск: Изд-е Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов. 149 с.

9. Резолюции окружного расширенного агитпропсовещания Сарапульского округа (25–29 ноября 1929 года). Сарапул Уралобласти, 1929. 35 с.

10. *Слезин А. А.* Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг.: [Электронный ресурс] // *НВ: Проблемы политики и общества.* 2013. № 5. С. 125–189. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.5.615. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_615.html (дата обращения: 18.01.2015)

11. Управление по делам архивов Администрации города Сарапула (УДА АГС) Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 1.

12. Там же. Д. 2.

13. Там же. Д. 3.

14. Там же. Д. 4.

15. Там же. Д. 21.

16. Там же. Д. 25.

17. Там же. Д. 28.

18. Там же. Д. 31.

19. Там же. Д. 33.

20. Там же. Д. 36.

21. Там же. Д. 46.

22. Там же. Ф. Р-733. Оп. 1. Д. 5.

23. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 669.

24. *Шумилов Е. Ф.* Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 434 с.

Поступила в редакцию 28.08.2015

Yu. V. Semenov, O. V. Chikurova

On Some Aspects of the Union of Militant Atheists' Activities in the Late 1920s – the Early 1930s (Based on Material from the Archives of Sarapul City Administration and the Museum of the Middle Kama Region History and Culture)

On the basis of previously unpublished documents from the archives of Sarapul City Administration and the Museum of the Middle Kama Region History and Culture the article reviews the activities of the local branches of the Union of Militant Atheists on the territory of Sarapul district in the late 1920s – the early 1930s. It describes the history of Sarapul District Council of the Union of Militant Atheists, forms and methods of their anti-religious work, population coverage, and activities. It is emphasized that the Sarapul Museum "Prikamsky Krai" conducted a study on religious beliefs of the population, the Udmurt paganism in particular. It is concluded that the anti-religious work in Sarapul and Sarapul district was conducted in accordance with the general trend in those times and was aimed at exposing the reactionary class essence of the religion taking into account local conditions.

Keywords: the Union of Militant Atheists, anti-religious work, militant atheism, the city of Sarapul, Museum "Prikamsky krai", kenesh, kulak, Udmurt pagan religion.

Семенов Юрий Валерианович,

кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1
E-mail: yursem@yandex.ru

Чикурова Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, доцент,
Сарапульский политехнический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический
университет им. М. Т. Калашникова»,
427960, Россия, г. Сарапул, ул. Труда, 8
E-mail: chikurova@mail.ru

Semenov Yuri Valerianovich,

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: yursem@yandex.ru

Chikurova Olga Vyacheslavovna,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Sarapul Polytechnic Institute (Branch)
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
427960, Russia, Sarapul, Truda St., 8
E-mail: chikurova@mail.ru